

ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ

ИСЛАМИСТСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В ПАКИСТАНЕ: ФАКТОРЫ, ЭТАПЫ, ЦИКЛЫ

В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

Доктор исторических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Пакистан, радикальный исламизм, террор, суннито-шиитские конфликты, афганский джихад, кашмирская проблема

Радикализация базирующейся на исламе идеологии и последствия этого для социальной и политической жизни обширного и быстро растущего демографически мусульманского ареала привлекают внимание в течение уже длительного времени. Исламская Республика Пакистан является одним из государств, где исламистский радикализм (экстремизм) проявляется весьма заметно на протяжении более полувека. В его эволюции при этом заметна определенная цикличность, связанная с рядом внутренних и внешних факторов. Достаточно четко выявляются этапы подъемов и спадов, что делает актуальной и значимой характеристику текущего периода в рамках преобладающей ныне тенденции.

Радикальные тенденции были присущи исламу как комплексу общественно-политических воззрений задолго до нашего времени. Их существование в Индостане в более близкий к нам колониальный период коренилось в трениях между мусульманами и немусульманами, проживающими по соседству и взаимодействующими на бытовом уровне.

Политизация социальных проблем приводила нередко к стихийным, неорганизованным столкновениям и давала повод для конфликтов более высокого ранга, вовлекавших в свою орбиту политические силы коммуналистской направленности. Сами эти силы могли провоцировать конфликты, перераставшие из бытовых, затрагивающих жизнь рядовых людей, в политические и придавать им острую идеологическую окраску.

В колониальное время к местным, локальным факторам радикализации добавились внешние, связанные с отторжением европейской власти и попыток навязывания ею христианских ценностей как косвенным путем, так и

прямым поощрением миссионерского прозелитизма. В начале XX в. в арабском и османотурецком мире возник панисламизм как общественно-политическое течение, настроенное на идейную борьбу с доминированием неисламского Запада, куда в ту эпоху включалась и Россия. Он оказал заметное влияние и на Индию, где имели место ранние проявления исламистской радикализации, с которыми британские колониальные власти вели упорную борьбу.

ЗАРОЖДЕНИЕ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА

После раздела колониальной Индии в 1947 г. и образования двух независимых государств - Индии (Индийского союза) и Пакистана - межобщинная (индусско-мусульманская) вражда стала сильнее ощущаться в Индии, где более 10% жителей исповедовали ислам, в то время как в Пакистане (в современных границах) к немусульманам относилось менее 3% населения. Впрочем, до 1971 г. Пакистан состоял из двух территориальных кусков, западного и восточного, удаленных друг от друга на 1,5 тыс. км. В восточном «крыле» (нынешняя Бангладеш) доля индуистов приближалась поначалу к 20%, но синкретический, пропитанный влиянием индуизма (тантризма) и буддизма, характер сложившейся там исламизированной культуры на фоне языковой - бенгальской - однородности не создавал особо благодатной почвы для исламистской радикализации.

Религиозный экстремизм в Пакистане подпитывался на первых порах, в основном, внешними обстоятельствами. Главным был спор с Индией по поводу принадлежности бывшего полусамостоятельного княжества Джамму и Кашмир. Ограниченная территорией княжества, война между двумя соседями, растянувшаяся почти на полтора года (с сентября 1947 г. до декабря 1948 г.), завершилась разделом на меньшую, пакистанскую, и в три раза большую по населению индийскую части. В рамках фе-

деративной Республики Индия возник единственный штат Джамму и Кашмир, с мусульманским большинством.

Хотя в период, можно сказать, внутриутробного развития феномена радикального исламизма в Пакистане основными для него были антииндийские (региональные) и антизападные (глобальные) идеи, к ним быстро добавились и внутримусульманские фобии.

Главным раздражителем в этом плане послужила община последователей неортодоксального религиозного проповедника конца XIX - начала XX вв. Ахмада Кадияни, известного оправданием колониального режима¹. Часть последователей его учения переехала после 1947 г. из индийской части Пенджаба в пакистанскую и расположилась в крупнейшем пенджабском городе Лахор.

Первые волнения на антиахмадийской почве произошли в 1953 г. Их инициировали сторонники «очищения ислама» из двух организаций - *Джамаат-и ислами* (Исламское общество) и *Маджлис-и ахрар* (Собрание свободных). Обе политические организации не поддерживали борьбу за создание Пакистана. Между тем, многие представители богатой общины индийских ахмадийцев принимали в ней активное участие и заняли видное место среди ее политической элиты².

Инициаторы антиахмадийских погромов в Лахоре в 1953 г. были привлечены к суду, который вынес суровый вердикт: основателя *Джамаат-и ислами* - Абул Ала Маудуди приговорили к смертной казне. После нескольких лет, проведенных в тюрьме, он был помилован и смог продолжить активную политическую и литературно-проповедническую деятельность³.

Постепенная радикализация политического ислама через 20 лет после осуждения антиахмадийцев привела к выполнению их требований об объявлении секты *ахмадийя* неисламской. Это произошло при Зульфикаре Али Бхутто, руководителе страны*, пытавшемся соединить идеи ислама и социализма. После прихода к власти в результате военного переворота в июле 1977 г. генерала Мухаммада Зия уль-Хака началась исламизация всех сторон общественной жизни⁴. Она стала инструментом придания законности перевороту и послужила фоном, который позволил через два года после свержения казнить З.А.Бхутто.

ПОДЪЕМ ВОИНСТВУЮЩЕГО ИСЛАМИЗМА

Время правления Зия-уль-Хака (1977-1988) надо считать точкой отсчета для радикального ислама. Сама по себе «исламизация сверху» не несла черты экстремизма. Он оказался косвен-

ным результатом внедрения исламских норм в государственное управление, финансово-экономическую систему, судебную-юридическую практику и образовательную сферу.

Произошло это потому, что мусульманская община в Пакистане неоднородна. В своем большинстве она состоит из суннитов ханифитского (ханафитского) *мазхаба* (религиозно-правовой традиции). Осуществление исламизации по этим канонам вызвало острое недовольство шиитов, составляющих, по разным оценкам, от 10-15 до 25% мусульман. В столице Пакистана городе Исламабаде и ряде других мест состоялись массовые уличные протесты шиитов. На гребне протестной волны, в начале 1980-х гг., появились их первые политические организации.

Консолидации шиитов способствовал успех шиитской (неошиитской) идеологии, утвердившейся после исламской революции 1978-1979 гг. в соседнем Иране. Противостояние главных ветвей ислама привело к появлению в Пакистане радикально настроенных боевых группировок - *Сипах-и-сахаба* (Воинов сподвижников пророка - суннитская) и *Сипах-и Мухаммад* (Воинов пророка - шиитская). Стички между «воинами» приобрели затяжной и ожесточенный характер. В 1988 г. в ходе разборок был убит лидер пакистанских шиитов, авторитетный богослов А.Х.Хуссейни, а через два года ответный теракт унес жизнь главаря суннитских «воинов» Х.Н.Джангви**.

Такие события не могли не отразиться на пакистано-иранских отношениях, что добавляло остроту в радикализм на межсектантской почве.

Другим внешним фактором радикализации политического ислама в Пакистане на той же основе была ситуация в Афганистане. Афганские шииты составляют примерно ту же долю местного населения (10-20%), что и в Пакистане, но принадлежат, в основном, к одной этнической группе хазарейцев. Преследование шиитов-хазарейцев со стороны суннитского движения «Талибан», установившего во второй половине 1990-х гг., опираясь на прямую поддержку Пакистана, контроль над большей частью территории страны, вызвало новые осложнения в пакистано-иранских отношениях и подтолкнуло процесс дальнейшей радикализации пакистанского исламизма.

Суннито-шиитские кровавые разборки приняли особенно острый характер в 1997 и 1998 гг., охватив, прежде всего, наиболее населенную провинцию страны Пенджаб⁵. Это случилось спустя 10 лет после гибели Зия уль-Хака в авиакатастрофе, во время т.н. демократического просвета, т.е. функционирования парламентской системы в период между военными режимами.

* Президент Пакистана (декабрь 1977 г. - август 1978 г.), премьер-министр (август 1978 г. - июль 1979 г.) (прим. ред.).

** Его имя носит отколовшаяся от Сипах-и сахаба Пакистан террористическая организация Лашкар-е-Джангви (Армия Джангви) (прим. авт.).

Нужно подчеркнуть, что утвердившиеся у власти в Кабуле афганские талибы были в большинстве учениками религиозных *медресе* (школ), расположенных в лагерях беженцев на территории Пакистана. Беженцы из охваченного войной Афганистана (их число равнялось, по оценкам, 3-4 млн человек) состояли, главным образом, из пуштунов - этноса, во многом сохранившего традиции племенной и клановой организации. Хотя пуштуны являются самой многочисленной этнической группой в Афганистане, они по численности примерно вдвое уступают пакистанским соплеменникам. Пакистанские пуштуны не отказывали афганским «собратьям» в помощи, хотя это и вызывало опрделенные трения. Между тем, переход миллионов беженцев из одной страны в другую размыл и без того плохо соблюдаемую и охраняемую *межгосударственную границу*.

Не удивительно, что, поскольку радикализация основанной на исламистских идеях программы практических действий помогла афганским талибам одержать верх в борьбе за власть, в Пакистане стали набирать силу похожие явления. Расцвет максималистского ислама как идеологии и практики политического действия пришелся там на вторую половину 1990-х гг.

Отметим, что, помимо афганского фактора, усилению исламистского радикализма способствовал кашмирский фактор. В упомянутом выше единственном в Индии «мусульманском» штате Джамму и Кашмир на рубеже 1980-х - 1990-х гг. вспыхнул антиправительственный мятеж. Он был активно поддержан официальными пакистанскими кругами, настаивавшими на нерешенности вопроса о судьбе бывшего княжества. Помимо государственных средств, на поддержку борьбы кашмирских сепаратистов были мобилизованы общественные фонды, образованные с помощью целого ряда исламистских организаций⁶.

В самом конце 1999 г. пакистанским террористам удалось захватить индийский пасса-

жирский самолет и посадить его в талибском городе Кандагар, на юге Афганистана. Уступая угрозе расправиться над пассажирами, Нью-Дели согласился освободить четырех захваченных ранее в Кашмире лидеров боевиков. Их освобождение было воспринято исламистами как крупный успех и, казалось, усилило их позиции в Пакистане⁷. Однако смена власти в стране помешала дальнейшему развитию этих тенденций.

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Нужно подчеркнуть, что проблема индийского Кашмира сохраняла для Пакистана исключительную остроту на протяжении всего последнего десятилетия прошлого века. Очередному государственному перевороту в стране в октябре 1999 г. предшествовала спровоцированная пакистанскими военными мини-война в Кашмире⁸. Главной целью армейского руководства во внутривнутриполитическом плане было, как представляется, создание условий для свержения правительства Наваза Шарифа, чья партия (Пакистанская мусульманская лига) уверенно победила на выборах 1997 г. и попыталась отстранить генералитет от рычагов управления страной.

Придя к власти в результате государственного переворота, военные во главе с генералом Первезом Мушаррафом сделали ставку на умеренно происламские политические силы. Введение чрезвычайного положения помогло сбить накал страстей в суннитско-шиитском противостоянии. Поутихла в новых условиях как политическая, так и общественная жизнь. Власть с 2000 г. переключила внимание населения на проведение выборов в местные органы власти, которые не давали исламистам шансов для агитации и пропаганды. Проводя политику поощрения умеренного исламизма, пакистанские власти летом 2001 г., еще до осуществления терактов в США 11 сентября, запретили две боевые исламистские организации.

Отвернувшись от талибов осенью 2001 г., Исламабад, судя по всему, позволил находившимся под его влиянием радикально настроенным элементам совершить террористические акты в Джамму и Кашмире и осуществить нападение на здание индийского парламента в Нью-Дели⁹. Продолжавшийся из-за этого примерно полгода острый кризис в пакистано-индийских отношениях продемонстрировал опасность противостояния двух непризнанных мировым сообществом ядерных держав (подземные ядерные испытания сначала Индия, а затем Пакистан провели в мае 1998 г.) и разрешился фактическим отказом Исламабада от политической поддержки кашмирских экстремистов. В конце 2002 г. стороны объявили об отводе своих войск от межгосударственной границы и Линии контроля в Кашмире, а с весны

Официальные власти Афганистана не признают легитимной существующую границу в районе проживания горских пуштунских племен. Проведенная в 1893 г. по предложению тогдашних англо-индийских властей «линия Дюранда» не устраивала эмира Афганистана, но он был вынужден согласиться с ней под давлением и в расчете на субсидии англичан. Именно это обстоятельство, «согласие под нажимом», позволило властям в Кабуле с первых лет после образования Пакистана оспаривать законность границы. См. напр.: *Паничкин Ю.Н.* «Линия Дюранда» и пуштунский вопрос в отношениях между Афганистаном и Пакистаном // Исламский фактор в истории и современности. М., Восточная литература. 2011.

2003 г. начались консультации между сторонами по всем спорным вопросам.

Еще до этого, в январе 2002 г., президент Мушарраф выступил с речью по национальному радио, где призвал отказаться от использования ислама как прикрытия для экстремистских призывов и террористических действий. Вслед за этим власти объявили о запрете пяти крупных исламистских организаций, провели обыски в их помещениях и арестовали около 2 тыс. активистов¹⁰. Хотя кампания оказалась краткосрочной и уже к весне того года большинство арестованных вышли на свободу, исламисты в результате понесли немалый ущерб. Это дало возможность смягчить обстановку в регионе, вызвав крайнее озлобление непримиримых боевиков. Они совершили серию покушений на президента Мушаррафа, в которых он не погиб лишь по счастливой случайности.

Одновременно с отступлением исламистов в Пакистане наблюдался откат религиозного радикализма и во всем центре Евразии после ликвидации исламистов (ваххабитов) в Чечне и Дагестане в 1999-2000 гг. и уже упомянутых атак террористов-камикадзе на Нью-Йорк и Вашингтон в сентябре 2001 г.

Теракты дали повод для военной кампании в Афганистане, где под крылом талибов нашла убежище экстремистская организация «Аль-Каида» во главе с Усамой бен Ладеном. Разгром отрядов движения «Талибан» осенью 2001 г. - зимой 2002 г. силами американо-британской коалиции и афганских соперников талибов привел к власти в Кабуле разнородную правящую группу, состоявшую по преимуществу из *моджахедов* (участников афганского джихада, «священной войны» 1980-х гг.) доталибского призыва, как пуштунского, так и непуштунского происхождения¹¹.

Присутствие во властных структурах нового Афганистана значительного числа пуштунов было во многом связано с давлением Исламабада, который, как выше отмечалось, в последний момент перед крахом талибского режима согласился разорвать отношения с ним и, воспользовавшись своим географическим положением, предоставил ценную логистическую помощь американцам. США в ответ закрыли глаза на переход границы с Пакистаном главарей талибов и тысяч рядовых членов организации¹².

Пакистанская территория превратилась в тыловую базу радикально-исламистского подполья, где скрывались боевики из разных талибских и союзных с ними организаций, прежде всего т.н. сети Хаккани¹³, а также «Аль-Каиды», Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и др. Однако до определенного момента боевики притаились, накапливая силы и средства для нового этапа борьбы.

Пауза в активности пакистанских радикалов

объяснялась не только гонениями на них властей. Тому же содействовали стабилизация экономического положения в стране и провозглашение правительством П.Мушаррафа политики «просвещенной умеренности». В рамках последней был принят ряд законодательных актов, направленных на улучшение юридического положения женщин и возможностей для их участия в политической и общественной жизни. Вместе с тем, либеральные меры, одобряемые Западом, готовили почву для нового подъема исламизма, вызывая злобу и раздражение в консервативных и ультраконсервативных кругах.

ПИК ИСЛАМИСТСКОЙ РЕАКЦИИ

Иракская кампания США, начатая в марте 2003 г., сыграла, можно сказать, роковую роль в судьбах всего Ближнего и Среднего Востока, да и мира в целом. Она прервала эпоху ослабления международной напряженности, установившуюся в конце 1980-х - начале 1990-х гг. Не закончив одну, афганскую, кампанию по вторжению в чуждую культурно-цивилизационную среду, Вашингтон без оснований и расчета ввязался в другую. И в том, и в другом ареале мусульманского Востока это вызвало усиление радикальных исламистских настроений. Укрывшиеся на пакистанской территории афганские талибы и их союзники перешли к подготовке нового наступления. Существенно укрепились позиции пакистанских радикалов в граничащих с Афганистаном горных пуштунских районах.

На первых порах экстремисты концентрировались в политических агентствах (административных округах. - *прим. ред.*) Южный и Северный Вазиристан Территории племен федерального управления (официальное название зоны пуштунских племен). Заметной фигурой среди них был участник афганского джихада Нек Мухаммад из племени *вазиров*, убитый американской ракетой летом 2004 г. После его гибели вооруженные отряды в Вазиристане возглавил Бейтулла Масуд (из одноименного племени), который в 2007 г. провозгласил создание *Техрик-е талибан Пакистан* (Движение пакистанских талибов, ДПТ)¹⁴.

Пик активности воинствующих исламистов пришелся именно на это время, кризисное для режима генерала Мушаррафа. В начале 2007 г. исламисты захватили контроль над Красной мечетью (*Лал масджид*, как она называется на яз. *урду*) в Исламабаде. Названная красной по цвету строительного камня и облицовки, она представляет собой комплекс зданий в центре пакистанской столицы, включающих не только мечеть, но и религиозные учебные заведения. Власти долгое время не решались на штурм комплекса, взятого в кольцо. Мирные переговоры с решительно настроенными руководите-

лями религиозно-учебного заведения не давали результатов, а промедление ставило в трудное положение оставшихся за стенами комплекса учеников.

Взятие мечети штурмом в начале июля 2007 г. привело к гибели около 200 человек и породило волну ответных терактов. Наиболее тяжелым по последствиям (свыше 60 погибших) стал прорыв начиненного взрывчаткой грузовика на территорию самого фешенебельного в Исламабаде отеля «Марриот». Еще более крупным по числу жертв (более 180 человек) был взрыв 18 октября в Карачи во время триумфальной встречи вернувшейся в страну после долгого изгнания Беназир Бхутто, дочери З.А.Бхутто, которая сама дважды, в 1988-1990 и 1993-1996 гг., занимала пост премьер-министра. Завершил череду кровавых событий теракт 27 декабря, унесший жизнь Б.Бхутто.

Весь 2008 г. и первая половина 2009 г. прошли под знаком усиления позиций исламистских радикалов в горной и предгорной областях страны. Этому способствовал раскол в верхах между военными и гражданскими элитами, а также жесткая конкуренция между победившей на выборах в феврале 2008 г. Пакистанской народной партией, руководителем которой стал овдовевший муж Бхутто А.А.Зардари, и немного отставшей от нее по итогам выборов Пакистанской мусульманской лигой во главе с Н.Шарифом¹⁵.

Распространение влияния пакистанских исламистов совпало по времени с усилением позиций их «собратьев» в Афганистане. Именно на 2006-2009 гг. приходится наиболее острая фаза вооруженного противостояния между возродившимися афганскими талибами и силами американо-натовской коалиции. В этот период весь пуштунский ареал по обе стороны от границы между двумя странами находился под сильнейшим давлением со стороны движения «Талибан». Его лидер, *амир ал-муслимин* (предводитель правоверных) мулла Мохаммад Омар, признавался верховным духовным и политическим вождем как афганских, так и пакистанских исламистских инсургентов. Руководство «Аль-Каиды» также не оспаривало его авторитет.

Успехи исламистов, потребовавших признать законность их власти в северной части пуштунского пояса, «нависающей» в географическом смысле над Пешаваром (главным городом Северо-Западной пограничной провинции, с 2010 г. - провинции Хайбер-Пахтунхва) и Исламабадом, способствовали достижению договоренностей между конкурирующими партиями и между гражданской и военной бюрократией. Тому же содействовали обещания США увеличить объем предоставляемой Пакистану военно-экономической помощи. В мае 2009 г. пакистанская армия перешла к решительным действиям против боевиков в долине Свата,

предгорных округах Бунер и Нижний Дир. Активная фаза операции по очистке севера пакистанского пуштунского ареала от боевиков продолжалась до весны 2010 г.

СПАД И КРИЗИС

С этого года можно вести отсчет современному этапу в эволюции исламистского радикализма в Пакистане. Для него характерно постепенное угасание активности радикалов и вынужденный их переход к тактике отдельных выпадов и террористических атак. Пакистанские талибы понесли в этот период крупные потери. В результате авиаудара с американского беспилотника осенью 2009 г. погиб Б.Масуд, а через четыре года аналогичная судьба постигла его преемника Хакимуллу Масуда. После его гибели в ДТП произошел раскол, и позиции движения резко ослабли.

Одновременно с отступлением *джихадистов* (участников современного джихада) в Пакистане то же самое происходило в Афганистане благодаря трехкратному росту численности войск США и стран-членов НАТО в этой стране. Существенным ударом по мировому радикальному исламу была ликвидация американским спецназом У.бен Ладена в мае 2011 г. То, что это было сделано в Пакистане, где он скрывался без уведомления властей страны, омрачило на некоторое время отношения между Вашингтоном и Исламабадом, но не изменило их характера. Пакистанский правящий класс сильно зависит от помощи и поддержки Америки и потому не может разрывать или надолго замораживать связи с ней.

В течение 2012-2013 гг. ситуация с безопасностью в Пакистане оставалась неблагоприятной, особенно это касается положения в главном городе страны, «распластанном» вдоль побережья Аравийского моря, - более чем 15-миллионном Карачи. В центральных районах мегаполиса проживают, в основном, говорящие на официальном языке страны - *урду* - потомки переселенцев из Индии и сами эти переселенцы, называющие себя *мухаджирами*, подражая первым мусульманам, отправившимся вслед за пророком из Мекки в Медину.

На окраинах города с 1990-х гг. стали расселяться пуштуны, где они составляют ныне едва ли не большинство. Туда с 2010-2011 гг. начали перемещать свои подпольные штаб-квартиры афганские и пакистанские талибы, заставившие карачинских пуштунов признать в них главных защитников их интересов. Криминальный бизнес в Карачи (торговля наркотиками, отмывание денег путем вложения в недвижимость и т.п.) превратился для талибов в крупнейший источник доходов. Борьба пуштунно-талибских мафиозных группировок с преступным бизнесом мухаджиров, а также представителей других этнических групп (панджаб-

цев, белуджей, синдхов), превратила город в одно из самых небезопасных мест на земле, где, в среднем, погибали в день 8-10 человек¹⁶.

Парламентские выборы в мае 2013 г. принесли победу партии Н.Шарифа, который в третий раз возглавил национальное правительство. Наведение порядка и борьба с экстремизмом были объявлены им главными приоритетами. Нужно отдать должное кабинету Шарифа - оно оказалось более способным решать эти проблемы, чем предшествующее правительство Пакистанской народной партии. Однако сложная расстановка политических сил в парламенте и законодательных собраниях провинций, а также непрекращающаяся борьба за влияние между армией (военной бюрократией) и партийно-государственной системой (гражданской властью) долгое время не позволяли приступить к решительным действиям по борьбе с радикалами.

Лишь после атаки террористов на международный аэропорт в Карачи в начале июня 2014 г. и вылазок диверсантов на северо-западе страны армия приступила к проведению масштабной операции *Зарб-е-азб* (Разящий удар) по вытеснению боевиков из Северного Вазиристана. К осени того года армейские службы по связям с общественностью сообщили о полном успехе операции - как они утверждали, было уничтожено более тысячи радикалов-джихадистов.

16 декабря 2014 г. боевики нанесли ответный удар, проникнув на территорию привилегированной школы для детей военнослужащих в Пешаваре. От рук террористов погибли более 140 учеников и их наставников, были ранены еще около 200. События в Пешаваре напомнили трагедию Беслана 2004 г., тем более, что среди террористов не оказалось, как выяснилось впоследствии, ни одного пакистанца, а руководил операцией выходец из Чечни¹⁷.

Атака на армейскую школу была воспринята властями Пакистана как сигнал к ужесточению форм и методов борьбы с террористами и исламистской оппозицией. В список запрещенных в стране джихадистских организаций были включены более 10 новых, в т.ч. такие ранее «неприкасаемые» группировки, как сеть Хаккани и *Джамаат-уд-Дава* (Дуд, Общество призыва)¹⁸.

Дуд была фасадной и материнской организацией для террористической *Лашкар-е тоиба* (Армия чистых), ответственной за беспрецедентную по дерзости и масштабу (более 160 погибших) атаку высадившихся с моря пакистанских диверсантов на индийский Мумбаи (Бомбей) в ноябре 2008 г. Запрет двух этих структур был, вероятно, уступкой со стороны военных, которые, как считается, могли оказывать им покровительство.

В ответ армия получила оперативно принятую парламентом 21-ю поправку к конститу-

ции, существенно расширяющую ее права и свободу действий. Согласно ей, учреждаются (правда, временно, на два года) военные суды для разбирательства дел, связанных с терроризмом и экстремистскими призывами. С подачи военных был также одобрен Национальный план действий по борьбе с террором¹⁹. В его рамках отменен мораторий на смертную казнь. В начале 2015 г. в обычных и гарнизонных тюрьмах были приведены в исполнение многие десятки смертных приговоров.

Принятые меры, к числу которых нужно отнести расширение армейских операций против джихадистов в горах пуштунского пояса и меры по наведению порядка в Карачи, оказались достаточно эффективными. Число терактов и диверсионных вылазок в 2015 г. снизилось приблизительно на 60% по сравнению с предыдущим годом²⁰. Таким образом, характеризующая 2010-2015 гг. кривая преступлений на исламистской почве в конце периода круто пошла вниз. Означает ли это, что такая тенденция продолжится и, как заверяют руководители страны, в частности, главнокомандующий вооруженными силами (начальник штаба армии) Рахил Шариф (однофамилец премьера), в 2016 г. с террором в Пакистане будет покончено?

* * *

Если исходить из представлений о цикличности в эволюции такого явления, как исламистский радикализм, можно представить себе ее будущую траекторию в соответствии с намеренными в статье большими и малыми циклами. Первый из них представлен медленным подъемом исламизма и его экстремистской ипостаси в 1980-х -1990-х гг. По аналогии с длинным периодом возрастания можно увидеть проявление обратного тренда к постепенному умалению силы радикально-исламистского, джихадистского феномена. Обнаруженные малые циклы, наоборот, заставляют предположить, что за упадком в течение последних пяти лет наступит новый этап усиления.

При этом нужно иметь в виду, что формирующаяся в Пакистане ситуация будет зависеть от целого ряда внутренних и внешних факторов, которые часто находятся в тесной взаимосвязи. Несомненно, например, что афганский джихад давно стал неразрывной частью внутренней обстановки. По закону обратной связи развивается и кашмирский конфликт. В последнее время к Пакистану приблизились такие внешние феномены, как геополитическая региональная схватка между суннитскими и шиитскими державами, прежде всего между Саудовской Аравией и Ираном, а также затяжная гражданская война в Сирии и Ираке. Возникшее там крайне агрессивное военизированное движение «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ или, согласно арабской аббревиатуре, ДАИШ - Ад-Дауля аль-Исламийа

фи Ирак ва-ш-Шам) пытается оказывать влияние не только на Афганистан, где конкурирует с талибами, но и на Пакистан, а через эти страны - и на Центральную Азию (ЦА).

Хотя пока нет оснований преувеличивать угрозу со стороны ДАИШ, надо осознавать, что в Пакистане, как и в Афганистане и некоторых государствах ЦА, имеются регионы, представляющие собой благодатную почву для распространения идей и практики радикального исламизма. Кроме пакистанского северо-запада, о котором много говорилось выше, подверженными воздействию агентов и пропаганде ДАИШ представляются бедные и отсталые районы юга Панджаба и севера Синда, т.е. обширные части двух странных для государства провинций. Помимо социальных причин, этому благоприятствует конфессиональная структура населения - сочетание суннитского

большинства с шиитским меньшинством и вкраплениями христиан и индуистов.

Еще раз подчеркнем, что будущее пакистанского радикализма остается неопределенным. Внутренняя ситуация в стране в последние годы улучшилась, и потому ее стоит рассматривать как достаточно надежного партнера. Москва, кстати, уже приняла меры для расширения сотрудничества с Исламабадом. Она поддержала его стремление стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества, российская госкомпания заключила осенью 2015 г. крупный экономический контракт. Возобновлено и военно-техническое взаимодействие²¹.

Вместе с тем, внешние факторы складываются не слишком благоприятно. А они могут подтолкнуть процесс нового подъема радикального исламизма, который способен ввергнуть страну в тяжелый кризис.

¹ Об учении Кадияни или ахмадийцев (ахмадийя) см: *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., Издательство восточной литературы. 1963, с. 154-160. (*Gordon-Polonskaya L.P.* 1963. *Musulmanskie techeniya v obshchestvennoy mysli Indii i Pakistana.* М.) (in Russian). Резкое неприятие вызывал тезис Ахмада Кадияни о неокончателности пророчества Мухаммеда.

² *Jalal A.* The Struggle for Pakistan. A Muslim Homeland and Global Politics. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 2014, p. 63.

³ Подробнее см: *Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., ИВ РАН, 2003, с. 40-44. (*Pleshov O.V.* 2003. *Islam, islamizm i nominalnaya demokratiya v Pakistane.* М.) (in Russian)

⁴ Там же, с. 82-201; *Talbot I.* Pakistan. A New History. Karachi: Oxford University Press. 2012, p. 126-130.

⁵ Political Violence in Pakistan. Table 4. Sectarian violence in Punjab, 1988-2010. International Growth Centre. Princeton, 2014, p. 3; *Белокреницкий В.Я.* Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Конфликты на Востоке, этнические и конфессиональные. М., Аспект пресс. 2008, с. 342. (*Belokrenitsky V.Ya.* 2008. *Etnoregionalnye i religiozno-sektantskie konflikty v Pakistane* // *Konflikty na Vostoke...* М.) (in Russian)

⁶ *Talbot I.* Pakistan. A New History. Karachi: Oxford University Press. 2012, p. 166-167.

⁷ *Rashid A.* Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. L., Penguin Books. 2008, p. 112-114.

⁸ Хотя в пакистанской литературе, в т.ч. академического характера, делаются попытки доказать обратное - что Каргильский конфликт был частью индийского «плана игры» (*Mazari S.* The Kargil Conflict 1999. Separating Fact from Fiction. Islamabad. 2003, p. 29-32), они не представляются убедительными, поскольку реальные шаги по нарушению Линии контроля были сделаны пакистанскими военными, что не отрицается и защитниками их интересов. (*Ibid.*, p. 43-46).

⁹ *Rashid A.* Op. cit., p. 115-116.

¹⁰ *Belokrenitsky V.Ya., Moskalenko V.N.* A Political History of Pakistan. 1947-2007. Karachi, Oxford University Press. 2013, p. 381-382.

¹¹ См.: *Коргун В.Г.* История Афганистана XX век. С. 462-476 // Современный Афганистан и сопредельные

страны / Отв. ред. М.Р.Арунова. М., ИВ РАН, 2011. (*Korgun V.G.* 2011. *Istoriya Afganistana XX vek* // *Sovremennyyi Afganistan i sopredelnye strany.* М.) (in Russian)

¹² *Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М., ИВ РАН, 2014, с. 158-160. (*Belokrenitsky V.Ya., Sikoiev R.R.* 2014. *Dvizhenie Taliban i perspektivy Afganistana i Pakistana.* М.) (in Russian)

¹³ Боевая организация под этим названием действовала под руководством «ветерана» исламистского подполья Джалалуддина Хаккани из пограничного афганского племени джадран (задран). Реально возглавлял ее с середины 2000-х гг. его сын Сираджуддин. См.: там же, с. 164, 168.

¹⁴ Там же, с. 174.

¹⁵ См.: *Замараева Н.А.* Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008-2010 гг. // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., ИВ РАН. 2012, с. 179-201. (*Zamaraeva N.A.* 2012. *Usilenie islamskogo ekstremizma v Pakistane v 2008-2010 gg.* // *Musulmanskoe prostranstvo ... Kavkaza i Tsentralnoi Azii.* М.) (in Russian)

¹⁶ *Zaman F., Ali N.S.* Taliban in Karachi: the real story - <http://www.dawn.com/news/799118/taliban-inp-karachi-the-re...>

¹⁷ 2014 Peshawar school massacre - <http://en.wikipedia.org>

¹⁸ *Gishkori Z.* Revealed: Govt decides to ban Haqqani Network, JuD // The Express Tribune. 15 January, 2015 - <http://tribune.com.pk/story/822087/revealed-govt-decides-to-ban-haqqani>

¹⁹ См. об этом: *Замараева Н.А.* Армия и демократические институты в современном Пакистане // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., ИВ РАН. 2015, с. 324-326. (*Zamaraeva N.A.* 2015. *Armiya i demokraticheskie instituty v sovremennom Pakistane* // *Natsii i natsionalizm na musulmanskom Vostoke.* М.) (in Russian)

²⁰ CRSS report reveals decline in violence in Pakistan // Daily Times. October 15, 2015 - <http://www.dailytimes.com.pk/national/15-Oct-2015/crss-report-reveals...> Accessed 02.01.2016.

²¹ *Каменев С.Н.* Российско-пакистанское сотрудничество, сегодня и завтра - <http://www.iimes.ru/eat=13>